Научная статья

УДК 111.1+1(091)

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-21-35

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ СОБЫТИЯ В ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ М. ХАЙДЕГГЕРА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Мирошкин М. С.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: mirmaker23@mail.ru

Поступила в редакцию 10.02.2025

После доработки 24.02.2025

Принята к публикации 28.03.2025

Аннотация

Цель. Раскрытие экзистенциального смысла бытия как неповторимого события человеческого существования в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера в результате проведённого историко-философского анализа его творческого наследия.

Процедура и методы. Используются методы диалектического и герменевтического исследования во взаимосвязи со сравнительным и историко-философским анализом неклассической специфики философских оснований фундаментальной онтологии М. Хайдеггера.

Результаты. основополагающим принципом существования бытия в его антропологическом исполнении является событие (Ereignis), осмысленное в качестве глубинного измерения времени, которое в каждом его мгновении проявляется в форме вот-бытия (Dasein). Уникальная специфика феномена человека фундаментальным образом проявляется через временность его существования в качестве основания обретаемой им через неё собственной подлинности в неотжественной форме самоопределения, позволяющая таким образом приобщиться к извечно сбывающемуся бытию. В связи с этим проведено различие между классическим пониманием в истории философии бытия как *Sein* и неклассическим как *Seyn*, обозначенным в рамках концептуальной позиции в фундаментальной онтологии М. Хайдеггером в качестве «бытия», которое *существует*, олицетворяя собой бесконечное множество сбывающихся во взаимосвязи с друг другом различных событий. Метафизически статичная конструкция осмысления бытия как капитала проявляется в форме постава, который преодолевается через экзистенциальное переосмысление феномена человека и его образно идеализированного «я» как вместительности событийно складывающихся свершений в форме вот-бытия. Таким образом, событие в качестве просвета бытия объявляется источником неограниченной свободы человека, которая выстраивается из принятия им собственной смертности как фундаментального условия неповторимой единственности возникновения и обретения экзистенциальной ценности осмысленно выстраиваемой самости в процессе её безграничной индивидуации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты проведённого исследования могут быть использованы в качестве расширенного представления об экзистенциальном содержании феномена человека и его всевозможных отношений с бытием для дальнейшего углублённого теоретического осмысления неизведанных ранее горизонтов его уникальной самоактуализации. В том числе выявленные результаты исследования могут способствовать совершенствованию теоретических знаний в области истории философии, онтологии и антропологии, а также их прикладному использованию в области экзистенциальной психотерапии.

Ключевые слова: бытие, время, капитал, постав, самость, событие, существование, человек, экзистенция, Dasein (Вот-бытие)

Для цитирования:

Мирошкин М. С. Антропологический смысл события в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 21–35. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-21-35>

Original research article

ANTHROPOLOGICAL MEANING OF AN EVENT IN FUNDAMENTAL ONTOLOGY M. HEIDEGGER: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

M. Miroshkin

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
e-mail: mirmaker23@mail.ru*

Received by the editorial office 10.02.2025

Revised by the author 24.02.2025

Accepted for publication 28.03.2025

Abstract

Aim. Disclosure of the existential meaning of being as a unique event of human existence in the fundamental ontology of M. Heidegger as a result of the historical and philosophical analysis of his creative heritage.

Methodology. Methods of dialectical and hermeneutic research are used in conjunction with comparative and historical-philosophical analysis of the non-classical specificity of the philosophical foundations of M. Heidegger's fundamental ontology.

Results. The fundamental principle of the existence of being in its anthropological implementation is the event (Ereignis), understood as a deep dimension of time, which in each of its moments manifests itself in the form of being-here or Dasein. The unique specificity of the phenomenon of man is fundamentally manifested through the temporality of his existence as the basis of his own authenticity acquired through it in a non-identical form of self-determination, thus allowing him to join the eternally fulfilling being. In this regard, a distinction is made between the classical understanding in the history of philosophy of being as Sein and the non-classical as Seyn, designated within the framework of the conceptual position in fundamental ontology by M. Heidegger as "being", which is present, personifying an infinite number of various events fulfilled in interconnection with each other. The metaphysically static construction of the understanding of being as capital manifests itself in the form of a position that is overcome through an existential rethinking of the phenomenon of man and his figuratively idealized "I" as a receptacle of event-formed accomplishments in the form of being-here. Thus, an event, as a clearing of being, is declared to be the source of unlimited human freedom, which is built from his acceptance of his own mortality as a fundamental condition for the uniqueness of the emergence and acquisition of existential value of a meaningfully constructed self in the process of its boundless individuation.

Research implications. The results of the study can be used as an expanded idea of the existential content of the human phenomenon and its various relationships with being for further in-depth theoretical understanding of the previously unexplored horizons of its unique self-actualization. In particular, the identified research results can contribute to the improvement of theoretical knowledge in the field of history of philosophy, ontology and anthropology, as well as their applied use in the field of existential psychotherapy.

Keywords: being, event, existence, human, Dasein (Here-being), presence, freedom, selfhood, time, temporality, capital, delivery, death

For citation:

Miroshkin, M. S. (2025). Anthropological Meaning of an Event in Fundamental Ontology M. Heidegger: Historical and Philosophical Analysis. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 21–35. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-21-35>

Введение

Исторически изменяющиеся формы и способы осуществления экономической жизнедеятельности человека претерпели существенные изменения, которые не без основания сформировали описанный ещё в XX в. различными философами его образ в качестве уходящего в небытие мерцающего в стихиях бессознательных структур обезличенного элемента, видимость самоопределения которого запечатлевается в его символически сконструированных системах надстроечных отношений, в рамках которых он детерминирован, по выражению Гегеля, той истиной *негативности*, что олицетворяет собою лежащий на его плечи тяжёлым роком отягчённый труд. Таким образом, труд в капиталистическую эпоху, по мысли Гегеля, представляет собой «заторможенное вождление» или «задержанное (aufgehaltenes) исчезновение» [1, с. 105], образующее так называемый «вакхический восторг, все участники которого упоены; и так как каждый из них, обособляясь, столь же непосредственно растворяется им, то он так же есть чистый и простой покой» [1, с. 25], нивелирующий всё человеческое в человеке, посредством его обесценивающего отчуждения от самого себя во времени как от Другого, с которым он не в состоянии примириться.

Многогранное творчество философской мысли изобилует различными негативными коннотациями в отношении сущности экономической жизнедеятельности человека, кризисные события которой эксплицитно отражены в таких словосочетаниях, имеющих концептуальное значение, как «желающая машина» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари), «смерть субъекта» (М. Фуко), а также «смерть автора» (Р. Барт) и в конце концов «смерть человека» (А. Кожев и Л. Альтюссер), которые символизируют глубинный смысл деструктивных последствий его же собственных желаний, не ориентированных на созидательное преобразование бытия, частью которого он имманентным образом является, но от которого исторически всё больше и больше

отчуждается. Представление о времени как о единственно ценном ресурсе, сквозь призм которого каждый человек неповторимым для себя образом самоопределяется, выдвигается в качестве сакрального измерения, к обладанию которым он устремляется посредством различных экономических практик в попытках обеспечить себе беззаботное будущее, минуя непосредственно сбывающееся настоящее. Однако именно представление о времени как о ресурсе, который необходимо добыть, предполагает его интенсивно ускользающий характер восприятия человеком, тем самым формируя через него схематизированный образ мира, который необходимо максимально эксплуатировать, чтобы приобрести полноценную в нём устойчивость и безопасность, что, в свою очередь, имплицитно образует озабоченность, связанную с собственной *временностью* или *смертностью*, которая тем самым приводит к фрустрированной дистанцированности по отношению к самому себе, к другим и к миру в целом.

Таким образом, преодоление кризиса, связанного с разрушением целостной картины мира в порядке формирования индивидуального мировоззрения человека как неотъемлемой части этого мира, имеет существенное значение для его самоопределения и самоактуализации в плане осмысления ценностного значения бытия и времени в качестве фундаментальных оснований его гармонично упорядоченного существования в многообразно создаваемых им событиях. Поэтому кризис, связанный с фундаментальным непониманием смысла бытия и времени, делает актуальным обращение к крупнейшему немецкому философу XX в. М. Хайдеггеру, который особым образом выразил критическое отношение к экономической жизнедеятельности человека, носящей в своей сущностной основе эксплуататорский характер, приводящий к многообразным экзистенциальным кризисам, образующим в конце концов «самое тёмное» представление о бытии и связанное с ним представление о времени [2, с. 3]. Иными словами, обраще-

ние к имениному наследию философской мысли М. Хайдеггера представляет собой вскрытие фундаментального сущностного истока образного портрета современного существования человека, укоренённого в области его сакраментальных переживаний в отношении ускользающего в различного рода событиях определяемого временем бытия.

Человек в экзистенциальном проекте бытия и времени

Поскольку сама философия является источником самоопределяющегося присутствия человека в мире, то будучи порождённой из него самого, она, по мысли Гегеля, «по существу своему относится к стихии всеобщности», в глубинных недрах которой происходит преобразование пространственно-временной структуры бытия как такового, топологически обуславливая формирование различных способов обеспечения необходимой степени опоры для самого человека в нём, отражающих изменчивость и неопределённость условий его собственного существования в рамках кризисных потрясений, исторически связанных с нестабильностью экономических отношений капиталистического уклада [1, с. 1]. Понимание специфики идей фундаментальной онтологии М. Хайдеггера коррелирует с преодолением неспособности человека в условиях динамики неподлинного самоопределения выстаивать связанные с этим процессом критически важные для жизни события, полноценное осмысление которых демонстрирует его подлинно волевые качества. Поэтому проблема бытия является тесно переплетённой с темой человека в его нескончаемых экзистенциальных поисках невосполнимо утраченного времени, в попытках обрести подлинное возвращение к самому себе в становлении самим собой и посредством самого себя. Капиталистическая эпоха, представляющая собой унифицированную парадигму реформирования истории человеческого сосуществования, предполагает её всепроникающую коммодифика-

цию в рамках образования всевозможных связей и отношений, основанных на антагонистических противоречиях, которые имплицитно оформляются в гипостазированный метанарратив, идеологически приводящий к метафизическому миропониманию. Таковым метанарративом, основанным на технико-экономическом представлении о бытии, по мысли Хайдеггера, является *Постав (Gestell)*, который, в свою очередь, «есть собирающее начало того устанавливания, которое ставит человека на раскрытие действительности способом поставления его в качестве состоящего-в-наличии», т. е. оформление человека и всего многообразия бытия в собирательный образ исчислимого капитала [3, с. 231]. Представленная Хайдеггером неклассическая экзистенциальная критика классической рационалистической философской традиции характеризуется переосмыслением метафизических притязаний капиталистически оформленных махинаций на предельно исчислимое отношение к человеку и к облагораживающему его во времени бытию.

Обоснованный Хайдеггером анти-метафизический проект выстраивания концептуальных представлений о бытии складывается, исходя из переосмысления роли и сущности человека в мире как неотъемлемой его части и одновременно способной к глубинному проникновению в недра его событийно выстраивающихся рядов, неподдающихся понятийному схватыванию и осмыслению в духе сциентистского подхода в классическом рационализме, особым образом господствующего в своей самодовлеющей форме в эпоху расцвета капитализма. Представленный Хайдеггером проект фундаментальной онтологии стал осевым явлением в истории западной философии в начале XX в., которое послужило квинтэссенцией не принадлежащего самому себе человека, склоняющегося в своих капиталистических поисках к собственному забвению перед неспособностью испытать экзистенциальное просветление в отзвук влекущего его к подлинному самоопределению бытия,

зов которого судьбоносно приобретает для него источник постижения нового начала в форме события. Процесс образования капиталистической формы мышления ориентирует человека на приобретение им рефлексивного опыта в отношении самого себя как поработанного субъекта, ограниченного рамками негативного восприятия времени через установленное господство исчислимых с ним отношений, приводящих к калькулированной коммодификации самого представления о роли и предназначении бытия как такового.

Экзистенциальное измерение, воплощением которого является сам человек, через которое он сам себя неповторимым образом выражает, является для него уникальным способом темпорального присутствия, заключающегося в обнаружении топологически организованного основания в форме событийно функционирующего бытия, которое в силу своей безгранично многогранной и неисчислимой природы множественно распадается и оформляется в то, что Хайдеггер концептуально обосновывает как «*Вот*», интерпретируемое им как *Dasein (Вот-бытие)*. Неклассическая герменевтика бытия и отражающегося в нём человека, благодаря которому оно способно себя полноценным образом проявлять, стала для Хайдеггера инструментом, обосновывающим их соизмеримую взаимообусловленность, в результате которой стало возможным видение и понимание доносящихся до человека призывов со стороны окружающего и пронизывающего его мироздания, которое своим ставшим отдалённым зовом зеркально даёт ему прочувствовать отягчённое состояние отчуждённости от своего *собственно* подлинного бытия в приобретённой им сущности понимания самого себя как исчислимого во времени капитала, ввергающего в бегство от самого себя каждого осмысляющего исключительно через него своё собственное существование.

Понимание Хайдеггером смысла бытия истолковывается вне рамок исключительно метафизических воззрений, воссозданных в совокупности регулирующих дея-

тельность человека образно-смысловых конструкций, им образованных, которыми не исчерпывается вся фундаментально безграничная множественность его соразмерной с бытием топологической единичности. В этом смысле человек, будучи свидетелем и соучастником разнообразных процессов проявления бытия, со-*бытийствует* с ним, отражаясь в различных феноменах в форме события, которое и преобразует их в нетождественной гармонии таким образом, что их вариативность имеет экзистенциально судьбоносное происхождение. Распадаясь на неисчислимое множество событий, само бытие раскрывается через них в результате уникального и неповторимого присутствия человека в мире, который в темпоральной форме их обнаружения организует всю свою жизнедеятельность в качестве безграничных этапов нового начала, в каждом из которых по-своему оформляется стремительно прогрессирующее бегство в капиталистически организованное существование в качестве реакции на неопределённые призывы действительности мира окружающего. Насколько способен человек узреть целостность событийных рядов, олицетворяющих само бытие, если оно приглушается выстроенными им самим идеализированными конструктами капиталистической деятельности, отсылающими к обретению невозполнимо утраченного времени, в связи с чем, как глубокомысленно высказался об этом В. В. Бибахин, «пока мы будем видеть целое только в конце наших построений, мы никогда не увидим нашим построениям конца: чему же конец будет в конце, если ему не нашли начала?» [3, с. 12]. Именно таким вопросом задаётся в течение всех своих философских поисков смысла бытия как такового М. Хайдеггер.

Само бытие в экзистенциальном векторе его рассмотрения предстаёт, по Хайдеггеру, зеркалом всех происходящих в человеческой жизни событий. Судьба человека предопределена самим бытием исходя из происходящих и разворачивающихся в нём ускользающих друг от друга

событий, в каждом из которых он самоопределяется нетождественным для самого себя образом. Поэтому «в событии даёт о себе знать то особенное, что оно отнимает у безудержного раскрытия свою собственную суть», – пишет Хайдеггер [3, с. 405]. Всё подлинное в человеке соразмерно смыслу понимания того, что такое *Dasein*, через которое он приходит к самому себе, высвобождая себя из сбывшегося опыта переживания бытия как события, сменяемого другим событием, исходя из которого он становится нередуцированным к метафизически статичным конструкциям в форме индивида, личности, субъекта, субстанции и капитала. Экзистенциальная реальность человека отличается от трансцендентальной самим фактом его временного существования, обуславливающего актуальность уникального возвращения к познанию самого себя в топологически образованной системе координат извечно находящегося в становлении бытия. Глубинное переживание человеком временности своего бытия олицетворяет его всепроникающую озабоченность во всевозможных формах и способах присутствия в мире, которое самим фактом своей неопределённости подводит к пониманию того, что «временность обнажается как смысл собственной заботы» человека, исходя из которой он преисполняется бытием без остатка, что позволяет ему, в свою очередь, конституировать топологическое к нему отношение в форме *Dasein* или Вот-бытия [2, с. 326]. Этим объясняется экзистенциальный смысл человеческого бытия, которое полноценно описывается через феномен события, являющегося, по мысли Хайдеггера, основополагающим бездонно неисчислимым измерением его отношения к собственному существованию в мире и миру, вокруг него существующему.

Поскольку само бытие, по Хайдеггеру, является квинтэссенцией событийных проявлений человеческого существования, то само *Dasein* представляет собой возможность его присутствия в качестве ни к чему не сводимой кроме как к самой

себе экзистенции, проявляющейся в пограничных областях индивидуального самоопределения. Каждое событие человеческого бытия в мире приводит его в соприкосновение с самим собой, обуславливая таким образом отзвук самого бытия в человеке через различные его в нём проявления, формируя тем самым язык, через который они звучат между собой в единолично гармоничном унисоне. Иными словами, через бытие проявляется вся полнота уникальности человеческого естества, а через человека само бытие во всей его безгранично креативной многогранности. В этом смысле *Dasein* является структурно образующим принципом функционирования всевозможных желаний человека к его неповторимо уникальной способности быть в мире, исходя из него самого в качестве первозданного основания, в котором он может безграничным образом черпать для себя жизнеутверждающие силы, в каких бы отягчённых обстоятельствах он не оказался и какими бы непосильными не представлялись они для него.

Время как источник осознания человеком самого себя

Исходя из временности сбывающегося вот-бытия, проистекает озабоченное к нему отношение, через которое открывается смысл бытия как такового. Поскольку фундаментальной характеристикой бытия является время, то основополагающей характеристикой человека является его временность, отражённая в событиях как *своевременность*, запечатлённая в неповторимой для неё форме *Dasein*, являющейся его наиболее сущностным воплощением. Отсутствие полноценного приобщения человека к подлинности своего собственного существования является индикатором его сакрального отношения ко времени как к ресурсу, который необходимо раздобыть, чтобы обеспечить себя удовлетворительной нормой самореализации в мире, который схематизируется рамками капиталистических практик его непрекращающейся эксплуатации. Таким

образом, схематизированное время отнимает человека от себя самого, ввергая его в обесцененную суетность проведённого дня, который в различных воспоминаниях откликается у него поисками утраченного времени в форме исчисляемого капитала, искажающего временную сущность его индивидуального существования. Как замечает Хайдеггер, ориентация человека на сформированную им идеализированную конструкцию в форме личного «я», не предвещает ему полноценной самореализации в глубине своей телесной организации не иначе, чем через ужасающий опыт переживаемой им таким образом собственной смертности, которую он отчаянно пытается преодолеть через расчётливое отношение ко времени как к зеркалу ускользающего в небытие самоопределения. Таким универсальным для всего человечества символом расчётливого отношения ко времени становятся часы, посредством которых происходит организация исчислимого к бытию отношения, при котором математически схематизируется образное о нём представление в качестве идеалистически замкнутой на самой себе конструкции, статично функционирующей как производственный механизм, не соизмеримый с безгранично нетождественной событийной структурой оживотворённого существования подлинного бытия во всей его неповторимой многогранности.

Поэтому, как утверждает Хайдеггер, «в окружающем мире эта встреча с собой совершается без всякого саморассмотрения, ориентированного на некое “я”, и без рефлексированного восприятия “внутренних” переживаний и актов», поскольку «вот-бытие, которое считается со временем, которое живёт с часами в руках – именно это считающееся со временем вот-бытие постоянно говорит: у меня нет времени» [4, с. 35; с. 155]. В таком подходе к восприятию и пониманию бытия происходит его забвение, выражением которого является представление о времени как о предмете роскоши, который полноценно приобретается не иначе чем через его овеществлённый

аналог в силу его изначального метафизически идеализированного осмысления в форме капитала. Само бытие не концентрируется на самом себе и пребывает в непрерывно изменяющемся множестве многослойных событий, каждое из которых является порождением нового начала и таким образом олицетворением необратимой единственности и универсальной безграничности его всеохватывающего в мгновении ока просвета.

Время, характеризующееся по самой своей сущности размерностью, задаёт человеку априорно дискретный горизонт его личного самоопределения, исходя из которого он замыкается на отсроченной точке отсчёта в качестве гомогенизации предвосхищаемого им собственного будущего или переживаемого им прошлого, в отношении которых эксплицируются тождественно сформированные конструкты мышления, и тем самым постепенно выстраивается статичный способ присутствия в мире через создание того, что Хайдеггер называет *машинацией*, используемой человеком в качестве схемы «сплошной исчисляемой прояснимости», через капиталистически организованное «пред-ставление» о бытии как таковом в форме постава [5, с. 176, с. 172]. Удержание времени в его гомогенизированной форме капитала имеет целью конституировать присутствие человеком в мире в интенционально-феноменологическом ракурсе достижения и поддержания идеализированного образа самого себя как чистого «я», которому тождественно необходимо соответствовать, чтобы нивелировать глубинный страх перед его забвением, связанный со смертью. Универсальность феномена смерти понимается Хайдеггером экзистенциально как уникальность подлинно неповторимого переживания всевозможных происходящих с человеком событий, в каждом из которых образуются для него новые смыслы, несводимые к единственно возможному, метафизически существующему в качестве абсолютной идеи, известной со времён Платона и Гегеля. Таким образом, согласно Хайдеггеру, смерти как

таковой не существует вообще, поскольку само бытие раскрывается из вот-бытия как события, а оно, в свою очередь, и предопределяет особенность восприятия, переживания и понимания времени самого по себе человеком. Именно как раз благодаря смерти вот-бытие не прекращает своего неповторимого существования в бесконечности сбывающихся различным образом событий, обуславливая таким образом вечность самого бытия в его безграничной множественности свершения.

Благодаря смерти бытие имеет переходную структуру своего модифицированного функционирования в форме инобытия посредством события, которое и является самодостаточным свидетельством его всепроникающей и оживотворяющей силы, пребывающей в своей неизбежной незавершённости, олицетворяющей неоднозначность возникновения и исчезновения всевозможных смыслов, отражающих ничем неограниченную сущность человеческого бытия. Поэтому Хайдеггер настойчиво утверждает, что «смерть ни в коем случае не берётся как отрицание бытия и вовсе не как "ничто" для существа бытия, а как раз наоборот: смерть есть высшее и предельное свидетельство бытия» и «как предельность Вот есть одновременно глубочайшее его возможного полного преобразования», заключающего в себе «без-донное (ab-gründige) вот-бытие» [5, с. 359–360, 406, 361]. Таким образом, человек всегда пребывает в бытии в качестве вот-бытия, как основополагающего источника возможности осмысления своей экзистенциальной сущности во временном её исполнении, определяя тем самым смерть как онтологическое условие безграничного отражения собственной самости в бесконечности раскрывающих её событий в процессе её непрерывной индивидуации.

Оценка человеком времени как универсального для всех ресурса самообеспечения, предполагающего бегство от смерти, делает его зависимым и несвободным от поисков его приобретения в качестве овеществлённых в форме капитала возможностей, обуславливающих его противо-

борствующее отношение к бытию во всех его проявлениях, исходя из которого оно рассматривается им как небезопасное пространство, в котором единственно возможным способом сосуществования с другими представляется борьба за выживание, приводящая всех в ней соучаствующих в состоянии нескончаемого страха по отношению к друг другу, и таким образом в конце концов по отношению к самому себе из-за неспособности созидательно примириться с самим бытием через его неведущее границ событийное измерение. Поэтому, исходя из непримиримого отношения к самому себе, формируется непримиримое отношение к самому бытию и всех в нём сосуществующих, приводя таким образом к тотальному обесцениванию имеющихся в нём возможностей через их капиталистическую унификацию в результате понимания времени как судьбоносно устрашающего вектора неизбежности человеческого забвения. Таким образом, каждый раз, когда «время используется как число изменчивого, исчислимого, т. е. форма его упорядочения, следовательно, время как рамки» [5, с. 288], то само бытие, в нём отражающееся, становится зловещим заключением для человека и всех его попыток обрести безусловную в нём и посредством него чаемую им опору в форме собственной свободы воли. Человек оказывается пленником времени тогда, когда оно само для него представляется феноменом непримиримого отрицания самого себя как неотъемлемой части бытия, с которым он органичным образом соотносится, но не преисполняется им, поскольку сам как таковой, будучи временным, становится устрашающим для самого себя его проявлением, а значит, только исходя из понимания времени как неограниченного событиями источника самоопределения формируется то, что, согласно Гегелю, «есть само по себе абсолютная отрицательность и свобода» [6, с. 53], т. е. сам человек, осмысляющий самого себя в отражении вечности бытия, обеспечивает тем самым свою подлинную с ним соизмеримость в форме обретаемой таким образом самости.

Временность как измерение подлинности Dasein

Поскольку человек определяется встречей с самим собой, с другими и с миром в непрерывной интенсивности сбывающихся различным образом событий, то именно временность становится для него основополагающим ракурсом выстраивания собственной бытийной возможности для полноценного самоопределения в качестве обнаружения своего Dasein. Любая форма присутствия человека в мире достигает своей предельной значимости в феномене смерти, представление о котором формируется им исходя из его собственного к самому себе отношения как к заброшенному проявлению бытия, приведённого в состояние озабоченности. Сам феномен заботы проявляется как в форме глубинного страха, доводящего человека до состояния ужаса перед небытием или ничто, так и в форме свободы, приводящей его к экзистенциальной трансформации собственного Dasein в качестве экспликации уникальности обретения сокрыто-раскрываемого измерения времени через осмысление временности различными способами постигаемых в бытии его ничем неограниченными возможностями. Таким образом, трансформация понимания Хайдеггером феномена временности, отражающего всевозможные переживания человеком своего собственного уходящего в забвение существования, происходит через переосмысление обращённости человека непосредственно на самого себя в реализации решения каким ему быть, поэтому «*вот-бытие* как человеческая жизнь есть *первичное могущее-бытие* (Möglichsein), бытие возможности неминуемого и при этом неопределённого минования» [4, с. 151].

Исходя из неминуемого как временности, проявляется предельная возможность вот-бытия тем или иным способом сбыться, а значит, она приоткрывает смысл бытия через заботу о нём самом, размыкая его жизнеутверждающий потенциал. Вместе с тем потенциал бытия не ограничивается

временным о нём представлением, исходя из ценностного к нему отношения в форме сущего или капитала, который предельно поддаётся исчислению и всевозможным расчётам соответствующих решений утилитарного характера. Однако само вот-бытие не озабочивается вот-бытием, поскольку является квинтэссенцией самого бытия в его событийно-сбывающейся функциональности, не соизмеримой с унифицированной практикой нивелирования его различий в образно запечатлённой всеобщности схватываемого посредством исчисляемого капитала, отождествляемого с самим временем, олицетворяющего таким образом трепетное через временность отношение человека к самому себе как к инвестиционному инструменту, подменяющему настоящее будущим, а будущее прошлым в качестве не принятого настоящего. Обеспокоенность человека временностью своего существования свидетельствует о различных в совокупности сделанных им некогда решений, связанных с недостигнутой предметностью воплощения тех или иных его желаний, через которые так и не свершилось чаемое им обладание собственной, запечатлённой в форме капитала умиротворенной подлинностью бытия. Однако именно временность является воплощением подлинной истории человека, раскрывающая её в его озабоченности по отношению к самому себе как уникальному зеркалу сбывающегося и неповторяющегося в обоюдной связи с друг другом множества событий, в которых происходит смещение смысла вот-бытия в иное вот-бытие, нивелирующее его конечность бесконечностью самого бытия как события. Именно поэтому, как утверждает Хайдеггер, «событие есть экзистенциальный конститутив бытия-в-мире» [2, с. 125], и, как точно по этому поводу замечает также Ж. Делёз, «именно в один и тот же момент, одновременно, мы становимся больше, чем были, и делаемся меньше, чем становимся», поскольку «события – подобно кристаллам – становятся и растут только от границ или на границах» [7, с. 9, 20]. Таковыми границами являются

экзистенциальные переживания человека в отношении различных происходящих с ним событий, которые демонстрируют укоренённую в нём самую безграничную возможность выбора через разрыв предметных границ фактического самоощущения, достигая тем самым свободы достойного для себя способа самовыражения в непрекращающемся процессе изменения бытия и имманентных ему переходов в иное начало.

В результате безграничных возможностей для самореализации через бытие как событие, исходя из его временного измерения, мир обнажает себя для человека таким, каким он в нём для самого себя проявляется, будучи отражением своего смертного естества в его бессмертном существовании. Поэтому, как утверждает Ж. Делёз, «время, которое обретают, не чуждо утраченному времени: его находят в недрах самого утраченного времени», т. е. в сменяющих друг друга событиях [8, с. 116]. Само бытие говорит о самом себе через человека посредством открытого в нём полилога в форме – *Вот*, фиксирующего данность разомкнутого в своей сущности на события ничем неизмеримого егоращения, устанавливающего универсальность гармоничного между ними сосуществования. Иными словами, *временность* глубоко составляет представление о бытии как о событийном процессе, в котором человек и само бытие обнаруживают друг друга в друг друге и посредством друг друга в форме *вот-бытия*, взаимодействуя таким образом через соразмерное единство составляющих их мгновений, после которых остаётся невозможным сконцентрировать их многомерность в замкнутом образе приобретённого человеком идеала собственного «я», через который оформляется граница полноценного понимания им себя как неотъемлемой части мира, обозначенного через отрицание в качестве Другого. Человек предстаёт таким образом перед бытием как *другой*, а само бытие как нечто *Другое* по отношению к нему, обуславливая тем самым антагонистические между ними взаимоотношения, в которых

события предопределяются оценочными представлениями, исходя из капиталистического понимания времени, которое становится экспликацией глубинного страха смерти перед бытием как таковым. Представления человека о собственном «я» в качестве кристально чистой идеализированной конструкции, символизирующей всю его сознательную деятельность, не соотносятся с временностью его реального существования, в которой подлинность его самоопределения не исчерпывается рационально сформированным исходя из неё тождественно запечатлённым образом о самом себе, сквозь призму которого выстраивается в унифицированном порядке весь многогранный процесс его индивидуации. В этом плане Хайдеггер критически переосмысливает и преодолевает позицию своего учителя Э. Гуссерля, согласно которому «*сознание – это абсолютное*, в котором конституируется всё трансцендентное, т. е. в конечном счёте конституируется весь психофизический мир» [9, с. 168].

Согласно Хайдеггеру, сознание конституируется через разомкнутое переживание человеком собственного бытия в нетождественной форме события, в котором и исходя из которого проявляется онтологическое условие его уникальности на всех уровнях существования в качестве бесконечно размыкаемой экзистенции, формирующейся и преобразующейся в предельно непредметном основании мгновенной непрерывности становления себя как усреднённой однократности в форме *Dasein*. Нивелированное в экзистенциале *das Man* время в форме капитала подвергает забвению собственное *вот-бытие* человека таким образом, что он сам редуцируется до неподлинного состояния в процессе формирования исчислимого в отношении самого себя представления, в рамках которого он уже символически перестаёт быть самодостаточным в выборе уникального способа бытия-в-мире, тем самым обрекая себя на добровольное забвение. Обнаружение человеком себя в горизонте идеально сконструированного времени, которое можно ухватить, при-

умножив его в форме капитала, приводит его в несоразмерное вот-бытию состояние, через элиминацию временной самоактуализации, лишённой уникальности своего неповторимого воплощения. Образ времени, пронизанный идеей капитала, иллюстрирует гомогенную структуру организации общечеловеческих взаимоотношений, построенных на страхе перед выбором собственного самоопределения, которое реализуется посредством волевого решения, олицетворяющего вступление в безвозвратно неопределённое будущее. И именно в этом вступлении скрывается и приоткрывается во всей своей наготе предсмертное будущее в драматически напряжённой форме его преломления в единственности освящающего решением события, которое настоятельно приобщает человека к стражничеству собственно выбираемой им судьбы посредством упразднения тождественно сконструированного о самом себе идеально приумножаемого образа в форме отсроченного в небытие капитала, влекущего каждого, соблазнённого его иллюзорными ликами вечности, к преждевременно самозабвенному погружению в *Ничто*. Таким образом, полнота конечного бытия человека обретается в предельно переживаемой скоротечности его неминуемой мгновенности в способе актуализации им собственного бытия как события в форме вот-бытия. Поэтому, как утверждает Ж. Делёз, «когда время уходит и уносит с собой мгновение, всегда остаётся межвременье, чтобы привести за собой событие» [10, с. 202].

Событие как фундамент экзистенциального осмысления человеческого бытия

Отталкиваясь от неклассического понимания сущности человека в качестве образа и подобия всемогущественного Бытия, Хайдеггер акцентирует внимание на его бессознательной природе, априорно встроенной во всю оживотворённую функциональность всех его безграничных проявлений. Уникальная способность

проникновения человека в бытие реализуется через определение им себя в качестве событийности вот-бытия как на сознательном, так и на бессознательном уровнях, учитывая также его внутриутробное состояние. Ранний период творческой мысли Хайдеггера в отличие от её поздней трансформации состоит в том, что временность человеческого бытия указывает на его собственные границы, минуя тем самым полифоничность самого бытия в его бесконечной целостности. Таким образом, Хайдеггер в своей фундаментальной работе «К философии (О событии)» (1936–1938 гг.) обращает внимание на различие *Бытия* (Sein) и его безмерного и неисчислимого содержания в форме *События* (Ereignis), через безгранично множественную сущность которого бытие обозначается им как «бытие» (Seyn), что «должно указывать на то, что бытие здесь мыслится уже не метафизически», а событийно [5, с. 535]. В свою очередь, способом, каким проявляет себя бытие, является процесс, который Хайдеггер обозначает как «*существование*», в качестве вхождения в событие, которое «сбывается (es sich ereignet) в ему принадлежащем» инобытию себя самого как «*бытийствование*» (wesen) или как «*опыт*» («*Erfahrung*»)» для того, «чтобы в нём стоять (stehen) и его выстаивать (ausstehen), что происходит как вот-бытие и его основывание» [5, с. 365, 366]. Возникновение языка, благодаря которому образуется человеческое сознание, происходит, согласно Хайдеггеру, из самого бытия, через которое оно приобщается подлинным для себя образом к многогранной вечности всех отражающихся в нём мгновений, будучи принадлежащей человеку экзистенциальной вспышки их осмысления, а значит, и самого себя как зеркала, впитывающего и усваивающего весь их оживотворяющий потенциал. Дополняя идеи Эмпедокла, согласно которому жизнь и смерть есть лишь разные проявления вечности, Хайдеггер через осмысление бытия посредством вот-бытия как бытия эту вечность и обосновывает в самом человеке, представляя его в качестве стража и хранителя событийно

архивированных в его сознании рядов, пути развёртывания которых определяются решением самого человека через углублённое их постижение. Иными словами, в событийном проявлении бытия проявляет себя сам человек в результате того, что он им преисполняется настолько, насколько его сознание совпадает с осмысленным переживанием каждого входящего в его существование мгновения, соизмеримого с неповторимым озарением непрекращающегося свершения движущей силы созидания и преобразования уникального в своей сущности универсума.

Событийная архитектура бытия характеризуется абсолютной открытостью, а не замкнутостью, и поэтому в качестве оживотворённого аттрактора целостно олицетворяет собой «временящее вмещение» [5, с. 123], которое как «бытие есть *самоскрытие*» » [5, с. 227], и которое «сутствует как *событие вот-основывания* (Ereignis der Daggründung)» [5, с. 238] в качестве места «мгновения Где-либо и Когда-либо» [5, с. 303]. В этом смысле проект фундаментальной онтологии Хайдеггера характеризуется постметафизической спецификой, отсутствием субстанционального содержания в результате заключённой в нём самом динамической деструкции, которая, согласно его мысли, «подразумевает не разборку как уничтожение, а *расчистку* в направлении освобождения метафизических основопозиций», посредством которой преодолеваются трансцендентальные рамки восприятия бытия как статичной идеально выстроенной в представлении человека конструкции, которую можно в качестве капитала использовать для отгораживания от нетождественного через события осмысления собственного забвения в целях бесперспективной элиминации глубинного страха смерти [5, с. 285]. Соприкосновение человека с бытием происходит исключительно через ничем необусловленный поток событий, которые и служат ему в качестве условия возможности обретения всякого опытного знания, а также формирования на их основе сознания как такового с многочисленным

набором приобретённых им образных представлений, в каждом из которых символически отпечатлевается вменённое им смысловое значение. Вот почему, как замечает российский философ В. А. Подорога, для человека «событие открывается в своём неустанном ускользании, в историческом коварстве своей *антисимволической функции*» в силу неконтролируемых им процессов чередования открытия и сокрытия сущности свойственных любому событию как разомкнутому проявлению бытия в его сингулярной целостности [11, с. 375].

Не символизируемая сущность безличного события предполагает, согласно Хайдеггеру, имплицитно всеохватывающую поглощённость человека бытием в его априорно неопределённых возможностях самоопределения, которое достигается только через экзистенциальное к нему приобщение и дальнейшее его соответствующим образом постижение как фундамент свободного благоприобретения. В этом смысле обосновываемая Хайдеггером первостепенная значимость бытия утверждается им через трансформацию его сущностного определения человеком в идеальной форме капитала, в которой он усматривает свою основополагающую опору для предельного свершения, калькулированного к нему и к себе отношения, приводящего его к необратимому, таким образом, забвению. Человеческая экзистенция, перегруженная метафизической предопределённостью капиталистического миропонимания, выражается через сформированный Хайдеггером проект её переосмысления и преобразования в качестве *просвета бытия*, где проявлением открытости событиям является «*свободное смелости созидания*» [5, с. 410] как «*Многократно-Единое*» [5, с. 415], в котором высвечивает редчайшая «*единственность вот-бытия*» [5, с. 459] как «то *междупространствие* (Zwischen) междувременности (Inzwischenchaft)» [5, с. 593], обращённое в неискоренимый источник безграничного самоопределения, проявляющего себя как «*необходимость*

без-донного» [5, с. 458]. Вот-бытие как единственно бездонное в своей сущности проявление событийной природы бытия открывается человеку в приобщении им к тому, чтобы быть самим собой в безусловном и безоценочном восприятии себя как его неотъемлемо освещающей части, через которую оно само оказывается самодовлеющим свидетельством преисполненного свободой существования. Именно поэтому, согласно Ж.-П. Сартру, «свобода не есть *какое-то* бытие, она есть бытие человека, то есть его ничто бытия» [12, с. 663], в силу чего он не просто свободен, а «смертельно свободен» [12, с. 811].

Ни к чему не сводимая кроме самой себя свобода человека является олицетворением зова бытия через каждое его проявление в форме события как нового начала, в котором обнаруживается их соразмерная друг другу единственность в качестве топологической экспликации проективной индетерминации всевозможных имплицитных трансформаций, в совокупности представляющих жизнеутверждающие процессы созидательной природы бытия. Однако свобода не является проявлением как трансцендентальной (априорной), так и трансцендентной природы человека, поскольку, согласно Хайдеггеру, наоборот, её трансцендентное и трансцендентальное измерение состоит в степени проникновенности в каждое присущее бытию событие, которое для того, чтобы быть, должно сбыться, а значит, тем самым показать всю заключённую в нём неограниченность, основанную на самозабвенной способности «со-основывать вот-бытие в подлинности самобытия» т. е., быть в смещённом по отношению к самому себе состоянии, и таким образом пребывать в проникновенном приобщении к безграничности собственной самости [5, с. 360]. Возможность для подлинного обретения человеком собственной самости представляется, согласно Хайдеггеру, не иначе как в результате деструкции метафизического о бытии представления как статичного образа сущего в качестве его восприятия и осмысления как события, в котором про-

стейшее как ничтожное является наиболее глубинным и ценнейшим в плане своей редчайшей и неповторимой уникальности, а значит, и наиболее достойным источником вопрошания о смысле своего существования. Подтверждением автономной суверенности человеческой природы является имманентное ему проявление себя в форме вот-бытия в качестве неотчуждаемого источника свободной самоактуализации в ничем неограниченном процессе индивидуации, который конституирует экзистенциальное постижение бытия не как тотальное переживаемое одиночество в мире, а как дар, с помощью которого человек становится основателем и хранителем основополагающих своё собственное существование событий, которые в своей бесконечной многогранности представляют собой, по мысли Хайдеггера, «начало последнего Бога» [5, с. 85–86].

В понимание природы бытия как «последнего Бога» Хайдеггер вкладывает бесконечно всепроникающую событийную вечность, и именно поэтому бытие осмысляется им как бытие, которое в своей универсальной открытости утверждается в качестве основополагающего источника истины, раскрытие которой происходит через созидательное постижение человеком собственной самости как зеркала самого бытия, в мгновенном отражении которого происходит его просветляющее свободой одаривание через полноценное принятие себя в каждой встрече с самим собой в любых условиях своего существования. Поэтому единственно истинным смыслом существования человека в бытии является его приближение к нему самому в качестве событийно разворачивающейся стихии, открывающей просторные дали неизбывной бездонности вот-бытия, благодаря которому время «о-сваивается (er-eignet ist) самим бытием, существующим именно как событие» [5, с. 47]. Таким образом, бытие, согласно Хайдеггеру, является для человека домом, а он для него – «пустухом», именно тогда, когда он самостоятельно преодолевает состояние бездонности своего собственного существования

через нивелирование капиталистического миропонимания, которое как «потерянность в сущем переживается как способность превращать “жизнь” в исчислимый круговорот пустого вращения вокруг себя и сделать это умение правдоподобным как “близость к жизни”» [5, с. 606], о которой остаются лишь воспоминания в качестве некогда напрасно утраченного времени.

Заключение

Концепция фундаментальной онтологии М. Хайдеггера в более позднем периоде его философского творчества осмысливается им с позиции понимания бытия как множества неисчислимо взаимообусловленных между собой событийных свершений, образующих представление о человеке как зеркале всех происходящих в нём процессов осуществления безграничного многообразия его уникально неповторимой экзистенции. Единственной формой осмысления человеком бытия, согласно Хайдеггеру, является событие, определяемое им как вот-бытие, или *Dasein*. Отсюда и концептуально неклассическое осмысление немецким философом классического определения бытия как *Sein*, которое из метафизического представления трансформируется в *Sein*, в качестве уже бытия, которое и является квинтэссенцией всевозможных нетождественных друг другу событийных свершений, которые, не переставая свершаться, олицетворяют собой вечность бытия как такового. Фундаментальным способом осмысления каждого происходящего в процессе существования человека события является вот-бытие, на основании которого и осуществляются все многообразие, широта и глубина смысла экзистенциального анализа, подверженного обесцениванию бытия через его капиталистическое восприятие в форме постава. Оригинально осмысленное Хайдеггером понимание бытия как события в различных формах вот-бытия позволяет разрешить кризисное состояние оказавшегося во власти капиталистического миропонимания человека в результате

его глубинного страха перед временем, которое обнажает ему его самого во всех очертаниях собственной смертности, с которой он способен умиротворённым образом примириться не иначе, чем осознав себя самого как творца и хранителя всех происходящих с ним событий в качестве уникально неповторимых источников обеспечения и приращения ответственного к бытию отношения, в результате которого их оживотворённое единство оказывается смыслообразующим принципом преодоления бессмысленного блуждания в тенях неаутентичного, в различных образах обесценивающего самоопределения.

Экспликация бытия через экзистенциальное постижение феномена человека свидетельствует о его безгранично открытом для него проявлении, и таким образом о его неискоренимом желании быть свободным в результате волевой решимости к событийному самоопределению, что, в свою очередь, демонстрирует процесс их единичного становления как обоюдного взаимопроникновения, преисполненного просветом самоскрывания, рождающего аутентично обретаемую самость в её неоднозначно многомерном измерении. Сакраментальное отношение человека ко времени как к капиталистически исчислимому проекту связано прежде всего с глубинным непониманием природы существования бытия и прежде всего укоренённого в нём феномена смерти, который является предельным основанием свершения всевозможных событий, являющихся, в свою очередь, структурообразующими элементами нетождественного функционирования в пространстве и времени всего оживотворённого в качестве фундаментального источника обеспечения вечного существования бытия. Поэтому быть подлинным, согласно Хайдеггеру, означает быть нетождественным по отношению к самому себе, а значит, быть в высшей степени неповторимым проявлением бытия в его неисчерпаемо уникальных событийных свершениях. Таким образом, основополагающим принципом формирования

свободно самоопределяемой самости го переживания всех сбывающихся в нём является волевая решимость человека событий, самобытно запечатлеваемых и полноценно откликаться на зов бытия и осмысленных в неизмеримом измерении через его *существование* в качестве предельно- вот-бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. 3-е изд. СПб.: Наука, 2015. 443 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы / отв. ред. Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1975. 695 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А. В. Михайлова; 3-е изд. М.: Академический проект, 2019. 489 с.
4. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свицкого. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
5. Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб.: Алетейя, 2017. 190 с.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина. СПб.: Алетейя, 2018. 288 с.
7. Подорога В. А. М. Фуко: археология современности. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2021. 384 с.
8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 925 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибикина. М.: Академический проект, 2011. 460 с.
10. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
11. Хайдеггер М. К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Институт Гайдара, 2020. 640 с.
12. Хайдеггер М. Понятие времени / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2021. 199 с.

REFERENCES

1. Hegel, G. V. F. (2015). *The System of Sciences. Pt. 1. Phenomenology of Spirit*. St. Petersburg: Nauka Publ. (in Russ.).
2. Hegel, G. V. F. (1975) *Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 2. Philosophy of Nature*. Moscow: Mysl Publ. (in Russ.).
3. Husserl, E. (2019). *Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book One: General Introduction to Pure Phenomenology*. Moscow: Academicheskyy Proekt Publ. (in Russ.).
4. Deleuze, J. (2011). *The Logic of Meaning*. Moscow: Academicheskyy Proekt Publ. (in Russ.).
5. Deleuze, J. (2017). *Marcel Proust and Signs*. St. Petersburg: Aletheia Publ. (in Russ.).
6. Deleuze, J. & Guattari, F. (2018). *What is Philosophy?* St. Petersburg: Aletheia Publ. (in Russ.).
7. Podoroga, V. A. (2021). *M. Foucault: Archeology of Modernity*. Moscow: Canon + ROOI "Rehabilitation" Publ. (in Russ.).
8. Sartre, J.-P. (2009). *Being and Nothingness. An Experience of Phenomenological Ontology*. Moscow: AST MOSCOW Publ. (in Russ.).
9. Heidegger, M. (2011). *Being and Time*. Moscow: Academic project Publ. (in Russ.).
10. Heidegger, M. (1993). *Time and being: articles and speeches*. Moscow: Republic Publ. (in Russ.).
11. Heidegger, M. (2020). *Towards philosophy (On the event)*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (in Russ.).
12. Heidegger, M. (2021). *The Concept of Time*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирошкин Михаил Сергеевич (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент Кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: mirmaker23@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Miroshkin (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: mirmaker23@mail.ru